

Староста

Су Лин и не подумал соглашаться, сразу и бесповоротно обозначив свою позицию.

— Староста, вы говорите, что рабов держать — дело дурное? Значит, вы ставите под сомнение саму законность этой торговли? Но ведь этот порядок установлен сменяющимися друг друга градоначальниками и уездными судьями. Уж не против ли воли властей вы выступаете, заявляя подобное?

В глубине души юноша считал работоторговлю жестокостью, а участь самих невольников — прискорбной, но это ничуть не мешало ему сейчас использовать устоявшиеся законы как щит.

— Раз уж вы считаете, что это плохо скажется на деревне, я сейчас же отправлюсь в городскую управу, чтобы аннулировать сделку. А заодно и передам ваше мнение чиновникам.

Услышав это, староста вскочил как ошпаренный. Широкий рукав задел лежавшую на столе трубку — та с глухим стуком покатила по полу. Старик, кряхтя и отдуваясь, поспешно согнулся, чтобы поднять своё сокровище.

Когда он выпрямился, лицо его покраснелось от натуги.

— Ну и язык у тебя, малый! — прохрипел он. — Слова не скажи — сразу в крик. Когда это я говорил, что покупать рабов незаконно? Я лишь сказал, что неженатому гээру приводить в дом мужчину — дурной тон.

— Значит, мужчинам рабов покупать можно, а гээрам нет? — Су Лин наступал без тени сомнения. — Староста, да вы так всю торговлю гильдиям порушите, почтенным людям заработок перекроете! Выходит, вы против политики пополнения казны?

Под тяжестью этих обвинений глава деревни почувствовал, как в груди снова закипает кашель. Он едва успевал хватать ртом воздух.

— Совсем тебя Ши Синсянь разбаловал, — просипел старик сквозь приступ кашля. — Мелешь что ни попадя, страха перед небом не зная.

Не будь Ши так обязан памяти его отца, давно бы выставил этого несносного мальчишку за пределы деревни. Раньше старик и не подозревал, насколько колючим и дерзким может быть этот ребёнок.

Гээр лишь фыркнул. Он стоял, ошестившись, словно испуганный, но яростный ёж, готовый

уколоть любого, кто посмеет приблизиться. В его глазах горел огонёк настороженности.

— И что за «влияние на деревню»? — продолжал юноша. — Я купил его на свои деньги, ни у кого медяка не попросил.

Он бесцеремонно схватил Су И за руку и потянул вперёд, выставляя его на всеобщее обозрение:

— Посмотрите на него: статный, видный. Глядя на такого молодца, я и сам три миски риса лишних съем! О каком «дурном примере» вы толкуете? Боитесь, что другие гээры, завидев красавца, на наших деревенских и смотреть не захотят? Что планка замужества подскочит и рождаемость в деревне упадёт?

Староста в сердцах грохнул трубкой по столу:

— Стыд потерял! Совсем стыд потерял... Посмотрел бы отец, кого он вырастил!

Су Лин, видя гнев Ши, и бровью не повёл.

— Или вы опасаетесь, что другие гээры тоже кинутся рабов покупать? Так не стоит беспокоиться. Откуда у них деньги? Кто из них решится выложить три, а то и пять лянов — весь годовой доход семьи — за одного человека? А если и купят, то потянут ли они потом подушный налог?

Голос юноши звучал беспощадно, в нём слышался вызов.

— Будем честны: покупка раба — удел тех, у кого водятся деньги. Остальным остаётся лишь завидовать, кусая локти.

Старик, опираясь руками о стол, чувствовал, как от гнева дрожат колени. Он сверлил собеседника взглядом, его седые усы забавно топорщились. Гээр на мгновение даже усомнился — не перегнул ли он палку?

Староста с силой хлопнул ладонью по дереву:

— Ах ты, паршивец!

Старейшины поспешили вмешаться, усаживая разгневанного главу на место.

— Полно тебе, — увещевали они его. — Оставь. Вспомни Ши Синсяня, что с ребёнком-то считается?

Ши отмахнулся от них. Он увидел, как Су И молча шагнул вперёд, заслоня собой хозяина, но Су Лин, не желая принимать защиту, упрямо потянул того обратно себе за спину.

В памяти старика вдруг всплыла картинка: зимние цыплята в курятнике, жмущиеся друг к другу в поисках тепла. Лицо его смягчилось, а гнев улетучился так же внезапно, как и возник.

«Сирота он, что с него взять. Жалеть его надо»

Раньше Братец Лин казался ему тихим и покладистым. Пусть болтали, будто он не любит кланяться старшим, но его редкие улыбки всегда подкупали. А теперь он превратился в дикую кошку, готовую в любой миг оскалить зубы.

— Ладно, — проворчал староста, — неохота мне с тобой препираться.

***

«Мать его... И как мне в голову не пришло так всё вывернуть? Вот уж язык у мальчишки — бритва!»

***

Если главы соседних деревень вздумают зубоскалить, мол, у него в Уси гээр раба завёл, он им ровно так и ответит. Слова Братца Лина открыли ему глаза: и с точки зрения закона, и для собственной выгоды они правы.

Есть претензии? Купите себе такого же! Нет денег — помалкивайте. В других местах люди из-за долгов в кабалу идут, а у них в Уси — первый случай покупки невольника. Это же прямой вклад в казну! Значит, деревня богатеет. На следующем совете в городе он будет сидеть, выпрямив спину как никогда.

Тем не менее староста всё же бросил на Су Лина строгий взгляд:

— Упрямый ты. Весь в отца, такой же твердолобый.

Юноша лишь поджал губы. Он-то знал, что совсем не похож на родителя — тот позволял родственникам помыкать собой, а он — никогда.

— Так зачем ты пришёл-то на самом деле? — спросил старик.

Су Лин указал на спутника:

— Он будет ходить в горы на охоту. Пришёл зарегистрировать его, как положено.

Ши смерил мужчину оценивающим взглядом.

— Твой раб умеет охотиться? В нашей деревне лучшие мастера с малых лет этому учатся. Кормиться лесом — задача не из лёгких.

Каждые несколько лет горы забирали жизни крепких охотников. В деревне хватало вдов и сирот. Люди жили лесом, но боялись его и почитали. Староста ожидал, что Су Лин начнёт хвалить таланты своего спутника, но тот лишь недовольно нахмурился:

— Его зовут Су И.

— Раб он и есть раб, — пожал плечами Ши. — Не слыхивал, чтобы у невольников имена были.

Голос юноши зазвучал громче:

— Это мой раб, а не чей-то ещё. И для остальных у него есть имя — Су И.

Староста причмокнул губами, поглаживая усы, которые едва пригладил после вспышки гнева.

— Су И так Су И... — Он вдруг округлил глаза. — Погоди, ты что, дал ему свою фамилию?

— Имею право, — отрезал Су Лин.

Вид у него был такой заносчивый — «моё дело, не ваше», — что у Ши снова едва не встали дыбом усы. Сделать он ничего не мог, оставалось только сверлить взглядом стоящего рядом мужчину.

Даже к собаке привыкаешь, если дашь ей кличку, а тут — живой человек.

Су И, всё это время хранивший молчание, неподвижно стоял за спиной хозяина. Было в его позе нечто... оберегающее. Он не сводил пристального взгляда с затылка Су Лина, словно о чём-то глубоко задумавшись.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Мне-то что за печаль, — пробормотал староста.

***

«С таким характером только раб с ним и сладит»

***

Выйди Су Лин за кого из местных парней — вся деревня на ушах бы стояла. Как представишь, что его звать будут рассудить семейную ссору, так голова заранее болеть начинает. А так — пусть живут за закрытыми дверями, всем спокойнее будет.

С этой мыслью взгляд старосты изменился: от подозрительного он перешёл к многозначительному сочувствию, словно возлагая на плечи Су И тяжкое и ответственное бремя.

Однако тот словно и не заметил перемены. Мужчина продолжал смотреть на Су Лина, не удостоив главу деревни и толикой внимания.

***

«Ну и бревно, — досадливо подумал староста. — Совсем не соображает!»

<http://bllate.org/book/15320/1354539>